18+

МАРИНА САВВИНЫХ

Под стенами Трои

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕСКАЗ ГОМЕРОВСКОЙ «ИЛИАДЫ» ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Марина Саввиных
Под стенами Трои

https://litres.ru/74986492
ISBN 9785007178754

Аннотация

Автор пересказывает великий европейский эпос максимально близко к первоисточнику, но так, чтобы его смысл воспринимался нашими современниками как прямое предупреждение о причинах и последствиях братоубийственных войн, но в то же время о почти невозможном, но всё-таки имеющемся у людей пути выхода из безвыходности непримиримой вражды.

Ныне уроки «Илиады» актуальны и своевременны, как никогда.

Прислушаемся к ним!

Содержание

Под стенами Трои	5
От автора	7
1	9
2	31
3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Под стенами Трои

Марина Саввиных

© Марина Саввиных, 2026

ISBN 978-5-0071-7875-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Марина Саввиных

Под стенами Трои

Вольный пересказ гомеровской
«Илиады» для детей и взрослых

От автора

Не секрет, что на протяжении многих веков гомеровский эпос являлся едва ли не единственным в полной мере адекватным педагогическим сочинением, воспитавшим поколения и поколения образованных людей европейского психического склада. Лишь двадцатому веку суждено было вместе с решительным отступлением от традиций классического образования «сбросить» Гомера «с корабля современности». Между тем, эпоха перемен, охватившая мир в последние десятилетия, многое безвозвратно похоронив, косвенно способствовала воздвижению из руин символов и ценностей, которым, казалось, не дано было возродиться.

Интерес к античной культуре сегодня достаточно широк, и на его устойчивом фоне особенно заметен дефицит литературы, которая, с одной стороны, удовлетворяла бы потребности образовательных практик, а с другой — была бы доступна восприятию наших современников.

Эти соображения, собственно, и привели автора, учителя словесности с более, чем сорокалетним стажем, к мысли пересказать «Илиаду» максимально близко к первоисточнику, но так, чтобы смысл величайшего европейского эпоса воспринимался нашими современниками как прямое предупреждение о причинах и последствиях братоубийственных войн, но в то же время и о почти невозможном, но всё-таки

имеющемся у людей пути выхода из безвыходности непримиримой вражды. Ныне уроки «Илиады» актуальны и своевременны, как никогда.

Прислушаемся к ним!

1

Поведай, Каллиопа, покровительница славных сказаний, о страшном бедствии, постигшем нас под стенами Трои — о том, как случилось, что души стольких могучих воинов в одночасье низринулись в Преисподнюю, да так, что многие их тела, не дождавшись достойного погребения, стали добычей псов илионских и хищных птиц. Поведай моими грешными устами — и начни с того проклятого часа, как столкнулись в непримиримом споре и возненавидели друг друга Агамемнон, верховный вождь всего ахейского войска, и предводитель мирмидонских отрядов юный царь Ахиллес.

Лагерь на берегу Геллеспонта, где — вытащенные на сушу — ждали отплытия наши корабли, постигла чума — воины гибли один за другим, и не было видно конца этому бедствию. Феб Аполлон наслал на нас злую погибель, ибо разгневал его Агамемнон — обидел благочестивого жреца Аполлонова, который пришёл к кораблям, чтобы выкупить из плена дочь, захваченную на острове, где с незапамятных времён служил олимпийскому богу храм Аполлона, — набеги наших измученных долгим бездействием воинов иногда и святынь достигали.

Богатый выкуп привёз Хрис, служитель храма; держал он

в руках золотой жезл, в знак мольбы великой обвитый красной повязкой, и таковы были его слова:

— Сыны Атреевы, Агамемнон и Менелай, а также все вы, доблестные воины-ахейцы!

Пусть вам помогут боги разрушить, наконец, Трою, город царя Приама, и по домам возвратиться невредимыми — буду об этом молиться денно и нощно! Только освободите мою дочь, Хризеиду, примите выкуп за неё. Заклинаю и молю вас об этом именем Аполлона, защитника моего и вашего!

Ахейцы одобрительно закричали — каждый надеялся на свою долю привезённого Хрисом богатства. Лишь Агамемнон нахмурился и грубо прогнал жреца, ещё и крикнув ему вслед:

— Проваливай отсюда, старик! Поди прочь да поторапливайся, а то и Аполлон твой тебе не поможет! Девушку не отдам: она состарится в моём доме, служанкой моей или наложницей! Не видать ей родины, как ты ни старайся! Прочь, прочь! Убирайся, пока слуги мои не вытолкали тебя взашей!

Не ожидал Хрис такого приёма — оскорблённый до недр сердца, шёл он по берегу моря и в слезах взывал к Аполлону.

— Господин мой, Феб Аполлон Сребролукий, много лет

служу Тебе безупречно! Отомсти мой позор — Ты же видишь, за что проливаю слёзы! Покарай за меня святотатцев!

Молился и жаловался Хрис с такою силой, что донеслись вопли его до Олимпа. Аполлон, узрев богопротивное дело Агамемнона, разгневался и поспешил с олимпийских вершин к Илиону — быстрым шагом он шёл, так что стрелы в колчане за его спиной друг о друга стучали — светлый бог, потемнел он от гнева, и ночь перед ликом его на беспечную землю ступала.

Достигши ахейского стана, сел Аполлон перед нашими кораблями и, натянув лук, стал метать стрелы во всё, что дышало и двигалось перед его очами. Сначала мулов и приблудных собак поразила зараза, а потом и на людей напал мор — воины мёрли, как мухи, по всему лагерю десять дней пылали погребальные костры, пока, наконец, великая наша заступница Гера не вложила в голову Ахилла мысль созвать общий сбор — надо же было что-то делать!

Когда собрались воины на сход, Ахиллес взял скипетр власти и первым предстал перед нами, обратившись к Агамемнону с такими словами:

— Вижу я, Атрид, пора возвращаться домой. Не война, а мор погибельный истребляет ахеян. Однако ж, дыма без

огня не бывает. Зараза и мор — от Феба гневного наказание. Не спросить ли нашего прорицателя — чем раздражён Аполлон? Чего он хочет?

Едва услышав это, вскочил со своего места Калхас, гадатель.

— Царь Ахиллес, — воскликнул он, прижав правую руку к сердцу — я готов возвестить тебе волю Аполлона — только поклянись, что не дашь меня в обиду, если правда моя не по нраву придётся аргивскому владыке, верховному главнокомандующему! Власть его велика, нрав — злопамятен. Разгневавшись, он виду не покажет, зато, месть затаив, не успокоится, пока не утолит ненасытную злобу… Скажи теперь, перед всеми — защитишь ли меня?

Ахилл — перед всем собранием — пообещал, что заступится за Калхаса: никто не посмеет поднять на него руку, пока носит земля самого Ахилла.

Тут-то Калхас и разъяснил причину Аполлонова гнева. Девушку нужно вернуть отцу — и в жертву сто быков принести Храму Аполлона. Иначе гневу бога не будет предела — ещё не так поплатятся ахейцы за свою неучтивость.

Загудело в сомнении ахейское воинство — а тем време-

нем гнев обуял самого Агамемнона. Встал он перед собранием — глаза горят, губы дрожат, кажется, испепелил бы мрачным сердцем своим и Калхаса, и Ахиллеса, и любого, кто встанет у него на пути!

— Ты, прорицатель бед и несчастий, — заорал он на Калхаса, — радуешься, когда проклятья твои сбываются нам на горе?!Доброго слова от тебя никто ни разу не слышал! Из-за девушки, из-за Хризеиды — чума?! Ничего умнее не мог придумать? Кто тебе поверит?! Девушку отдать! А что, если я полюбил её? Поглядеть — так ничем она супруги моей Клитемнестры не хуже. Красавица, умница… и уже привыкла ко мне! Да-да! я полюбил её! Но так и быть — отправлю к отцу, раз уж войско решило. Но! Вместо неё требую себе другую! Я заслужил за труды мои награду!

Так он сказал, и многие вспомнили события давно прошедших лет — когда стояло объединённое ахейское войско лагерем при кораблях в Авлиде, ожидая попутного ветра, чтобы отплыть по волнам Геллеспонта к Трое. Ветра всё не было и не было. И тогда Калхас, гадатель, объявил Агамемнону, что причина тому — гнев Артемиды, чью любимую лань вождь ахейцев убил на охоте. Богиня отложит гнев, если только он принесёт ей в жертву собственную дочь — царевну Ифигению. Агамемнон был в отчаянии, но ему пришлось смириться. Ифигению зарезали на алтаре, и царь аргивский,

конечно, не забыл Калхасу этой своей беды. А то, что попутные ветры всё же подули, и корабли ахейские благополучно достигли берегов Троады, — так на всё воля богов. Калхас — ничтожная песчинка. Пусть и он своё получит… так, наверное, думал Агамемнон. И на том окончился бы спор, если бы — в свою очередь — не возмутился Ахиллес.

— Ахеяне! — возопил он, — Кого вы слушаете?! Гордец, стяжатель, волк ненасытный, хочет последнее у вас отнять! Откуда, Атрид, ахейцы возьмут для тебя награду? Всё, что добыто в боях, уже давно разделено между воинами. Ты что? — отнимешь у кого-то женщину вместо Хризеиды? У кого?!! Одумайся, царь! Отдай девушку отцу! Возьмём Трою — если на то будет воля Зевса — вернём тебе долг и сверх того!

Замерло войско. Вот уж почти десять лет воевали мы вдали от семей. Едва ли не у каждого давным-давно «походная жена» в шатре. Пусть пленница, пусть рабыня — но любимая. И — что? Вдруг именно она Агамемнону приглянулась?

— Не умствуй, молокосос! — рявкнул Агамемнон, — У самого-то у тебя есть женщина, так ты хочешь, чтобы я молча смотрел, как у меня мою отнимают? Нет! Дайте мне взамен не хуже этой! Или я сам возьму! у кого пожелаю! У Аякса Теламонида, у Одиссея… да хоть у тебя! Впрочем, об этом

после поговорим! А пока — снаряжайте корабль, гоните быков для жертвы, Хризеиду готовьте к путешествию. Вместе с ней или Идоменей поедет, или Одиссей, или Аякс, или — хочешь, сам езжай, Ахиллес. Принесите жертву, успокойте Аполлона.

— Ворюга бесстыжий! — Ахиллес окончательно вышел из себя, — да кто тебя будет слушать! Кто воевать за тебя будет?! Меня, что ли, троянцы обидели? Они передо мной ни в чём не виноваты! Ни коней, ни женщин у меня не крали, земель моих не топтали… Ради чего мирмидонцы по горам и морям сюда добирались? Ради тебя же, ради братца твоего кровь проливаем! Пёс ты бессовестный, негодяй! Нет, чтобы спасибо сказать, до земли поклониться за подмогу — меня же бранишь, девушку мою отобрать грозишься! Вспомни! Я ни разу равной с тобой доли не получал при дележе добычи. Как впереди всех сражаться, — так Ахиллес, а как добычу делить — я последний! Никогда я не спорил с тобой, молчал. Но хватит с меня. Ухожу! Обойдётесь без меня, вояки!

Агамемнон губы поджал: «Трусишь? от битв уклоняешься? Давай, беги, прячься… здесь хватит воинов, которые лишь посмеются над тобой! Зевс нам в помощь! Я о тебе и не вспомню, гадёныш! И — да! Если угодно Аполлону, отправлю к отцу Хризеиду, а, чтобы ты не забывал, кто здесь главный, я Бризеиду твою заберу. А всем остальным — нау-

ка. Будут знать, как равными себя считать и препираться со мною!»

Мы, кто сидели к центру собрания ближе, своими глазами видели, что делалось в этот миг с Ахиллесом. Он уже потянулся рукою — выхватить меч и кинуться на Агамемнона… он убил бы его, точно! Но… словно какая-то светлая тень сошла на его прекрасное лицо… должно быть, сама Афина, посланная владычицей Герой, явилась ему… вот так, запросто… встала за его спиной, дёрнула за белокурые кудри… обернулся Ахилл — и узрел невидимую для других богиню, увидел и ужаснулся…

— По мою ли ты душу, Дочь Громовержцева?! Вот — полюбуйся, как аргивянин безумствует! Гордыня совсем его ума лишила!

А Тритогения отвечала ему:

— Уймись, мой мальчик… возьми себя в руки. Гера вас обоих любит одинаково. Ей больно смотреть на ваш раздор. Хочешь излить свой гнев — бранись, но меча не касайся. Клянусь, ахейцы скоро троекратно заплатят за то, что тебя обидели. Слушайся и не перечь нам!

— Слушаюсь! — только и сказал Ахиллес и смиренно

склонил гордую голову.

Так это было, или всё это сам я придумал — однако Ахиллес вдруг глубоко вздохнул, вложил меч в ножны, но поскольку ругаться Афина ему не запретила, набросился на своего начальника с ещё более крепкой бранью.

— Пьяница, собака, козёл трусливый! Никогда я тебя ни в открытом бою не видел, ни в засаде с отборными храбрецами. Только и можешь, что своих же грабить. И слова тебе против не скажи! Душегубец! Ничтожны данайцы, иначе последнюю нанёс бы ты сегодня обиду. Клянусь вот этим жезлом — он поднял над головой скипетр власти — настанет день, когда все до последнего будете умолять меня вернуться!

Сказал, бросил в ярости скипетр на землю и сел между остальными вождями. Так они и сидели друг против друга, главнокомандующий всех эллинов и предводитель мирмидонского отряда, кипя взаимной ненавистью и посылая друг другу свирепые взгляды.

Тяжёлая тишина повисла над нами. Все понимали, что ничего хорошего из этой ссоры не выйдет. Ахиллес — хоть и моложе всех — не просто могучий воин, с ним связаны надежды наши на победу. Задолго до того, как выступили в

поход объединённые эллинские отряды, Зевс указал, что победить оскорбивших Менелая троянцев мы сможем, лишь имея в войске Ахиллеса, полубога-богатыря. Пришлось долго молить его мать Фетиду, чтобы она отпустила мальчика, ещё не стригшего волос, — на войну, с которой не суждено ему было вернуться. Не слушала она ни молитв, ни уговоров. Подальше постаралась спрятать сына. И лишь обманом Одиссей достиг цели — заполучил Ахиллеса под начало Агамемнона. Что же будет, если юный царь теперь уйдёт?

Прервал молчание мудрый Нестор. Говорят, ему было двести лет! Пятым поколением подданных правил он на Пилосе, но всё ещё ходил в военные походы, так могуч был его дух и обширен жизненный опыт.

— То-то возрадуются троянцы, узнав о вашей распре! — пристыдил он спорщиков — Послушайте меня. Оба мне во внуки-правнуки годитесь. И не такие герои моих советов слушались! И вы послушайте — слушать советы полезно! Ты, Агамемнон, оставь Ахиллеса в покое вместе с его девушкой. Он получил её по заслугам. А ты, Ахиллес, перестань ругаться и дерзить главнокомандующему. Зевс выбрал его для руководства нами — честь великая, ещё ни один царь ахейский не снискал такой власти! Да, ты прославился подвигами, мужеством, храбростью, все знают, кто твоя мать и какими силами послан ты сюда, под стены Трои. Но главный

здесь всё-таки он, Агамемнон. Надо благоразумнее быть и тебе, Атрид. Обстоятельства, увы, теперь тебя сильнее. Умоляю, успокойся. Прости юноше горячность. Сам знаешь, чем грозит всем ахейцам его отказ воевать вместе с нами.

— Да что ты говоришь! — взорвался снова Агамемнон, — щенок мнит себя главным! Хочет начальником быть над всеми и всем указывать, как надо и не надо. Но не будет этого! Я его слушать не собираюсь!

А Пелид Ахиллес? Он тоже не стерпел… шквал брани обрушил на аргивянина и поклялся, что нет таких причин, которые заставят его воевать на стороне ахейцев. Раз уж нет другого выхода, пусть забирает царь Бризеиду, но больше ничего Агамемнон не получит. Пусть только попробует сунуться!

И ушёл Ахиллес со всей своей дружиной и вместе с верным другом, Патроклом, сыном Менетия.

Агамемнон же стал спешно снаряжать корабль, чтобы отвезти Хризеиду к отцу. Но он не забыл своих угроз и тут же отправил к шатрам Ахиллеса двух верных воинов, Талфибия и Эврибата, чтобы они забрали и привели к нему Бризеиду.

Посланники нашли героя сидящим в горькой думе перед

шатром. Они смутились и долго не решались ничего сказать. Но Ахиллес сам обратился к ним — забирайте то, за чем пришли.

— Помоги им, дружище Патрокл! Выведи Бризеиду.

Не могу передать, как плакала и ломала руки несчастная девушка, у которой отнимали красавца-возлюбленного: давно уже привязалась она к нему всем сердцем! Что ожидало её, познавшую ужас пленения, в шатре царя, известного своей свирепостью? Но делать нечего! Мрачно сверкая глазами, проводил уходящих оскорблённый Ахиллес и только крикнул им вслед:

— Когда за мной придёте, напрасно станете умолять! Я не вернусь! Ваш Агамемнон ум потерял, не видит последствий своих поступков… пропадёте вы с ним, видят боги!

Ни единый мускул не дрогнул на лице его, пока видны были удаляющиеся фигуры, но как только скрылись они из виду, заплакал Ахилл от унижения и горя и бросился на берег — к матери, морской богине Фетиде… был он ведь, в сущности, совсем ещё мальчик, хотя не детские взвалил на себя дела и не детскую силу.

— Матушка, — рыдал Ахиллес, — когда я родился, не бессмертную ли славу обещали мне боги взамен короткой жизни? Знаю, что скоро умру… и что же? Все видели — все! И люди, и боги! — как издевался надо мной Агамемнон…

честь мою он отнял, награду всех подвигов моих, любовь мою и радость похитил… пусть жизнь моя теперь прервётся — опозоренный, я всё равно никому не нужен. И себе не нужен! Лучше умереть сейчас, чем терпеть такое униженье!

Как лёгкое облако, вышла из моря Фетида, села рядом с ним, погладила по голове:

— Что случилось, дитя моё?

Тяжко застонал Ахиллес и слово в слово рассказал матери, что произошло на берегу Геллеспонта при ахейских кораблях.

— Матушка, заступись за меня перед Зевсом! Он ведь в долгу перед тобой… ведь это ты — единственная из бессмертных — спасла его от покушения. Когда Гера, Афина и Посейдон вздумали оковать Громовержца, призвала ты на Олимп сторукого Бриарея, который сел рядом с Зевсом, как сторожевой пёс, так что и боги ужаснулись. Напомни ему об этом! Пусть он вступится за троянцев. Пусть опозорятся и сгинут аргивяне! Пусть насладятся своим великим полководцем! Пусть Агамемнон сам получит по заслугам! Может, ума наберётся с тех пор! И впредь остережётся разбрасываться лучшими своими богатырями!

Фетида слушала, и горькие слёзы катились из её боже-

ственных очей. Мало того, что сыну так недолго осталось жить на свете, так ещё и эта короткая жизнь наполнена обидами и печалью. Конечно, она всё сделает, чтобы склонить Зевса к мольбе Ахиллеса. Вот только найдёт подходящий момент. Через двенадцать дней Зевс вернётся с пира, который в его честь устроили непорочные эфиопы, и тогда припадёт Фетида к его ногам.

— А пока, мой мальчик, держись подальше от Агамемнона. Настанет час — и боги дадут знать, каково их решение.

Так и случилось!

Придумал ли я это — или так было на самом деле — вам, други мои, виднее.

А я свой рассказ продолжаю.

Корабль, отправленный Агамемноном, под водительством Одиссея достиг острова Хриса.

Спустили паруса на корабле, вошли в пристань на вёслах. Бросили якоря, причалили, сошли в город, свели сто быков на пристань, и вот уже красавица Хризеида бежит по родному берегу. Взял её за руку Одиссей, повёл к алтарю Аполлона — и мудрый Хрис принял дочку в свои объятия.

— Хрис, Аполлонов слуга, — сказал Одиссей, — послал меня Атрид Агамемнон дочь тебе возвратить и жертву Богу принести — сто быков, да пребудет с нами его милость! Припадаем к алтарю его — пусть отпустит грехи наши, снимет наказание… мы к любому его решению готовы.

Все, кто при этом был, возрадовались радостью великой. Меж тем ахейцы ведут быков к Храму Аполлонову.

Достославные слушатели мои! Помните ли, что такое гекатомба?

Во дворе Храма на алтаре приготовлен костёр. Вокруг него стоят бычки — лучшие, отборные, без малейшего изъяна. Мотают быки головами, нет-нет да взревёт какой-нибудь из них, но, кажется, не убиения ожидает стадо, а благоуханного пастбища… Служители несут вокруг алтаря — слева направо — сосуд двуручный с водою и корзину, в которой всё приготовлено для святого дела, — нож, ячмень и соль. Горящей головнёй с алтаря очищается вода — а затем окропляют жрецы той водою всё, что к священнодействию причастно: и алтарь, и бычков, и всех нас — в предвкушении чуда! Поджаренный ячмень бросают люди в огонь, осыпают зёрнами голову жертвы, и — чудо! — идут под нож спокойно бычки, головами кивают, словно согласье дают принести себя в жертву светлейшему Богу. Каждый из нас получил клок

отрезанной у быка шерсти, чтобы бросить в огонь, — вспыхивал ярко огонь, поглощая жертвенные крохи.

— Помолимся! — слышится крик, и благоговейное молчание воцаряется в толпе.

Только резкий звук флейты бьёт по нервам. Начинается жертвоприношение. Взмолился Хрис Аполлону, на сей раз прося его снять с ахейцев жестокую кару. И снова бог внял его мольбе — но об этом узнали мы, спустя время, когда вернулись в свой лагерь и поняли, что мор прекратился.

Вот уж первый бычок ударом дубины оглушён и низвергнут на землю, жрец, ухватив за рога, загибает голову ему кверху и острым ножом перерезает горло. Крики женщин заглушают предсмертный рёв животного. Кровь струёй хлещет в подставленную служителем гидрию и, спустя мгновение, закипает на жертвенном огне, распространяя вокруг сладковатый будоражащий запах.

Под пение пэанов, боговдохновенных гимнов в честь Феба Аполлона, идёт разделка жертвенных туш — над распластанными внутренностями гадают: принята ли богом жертва, доволен ли он. Тут же отсекают мясистые части и, обложив срезанным жиром со всех сторон, окропив вином и осыпав травами, жрецы возлагают мясо на алтарь… Вокруг такой

распространяется запах, что голодный человек с ума сойдёт! Вооружившись пятизубыми вилами, юноши переворачивают мясо на углях и первыми вкушают жаркое — внутренности и огузки, остальное же рубят на куски и, надев на длинные прутья, осторожно обжаривают со всех сторон, — оделяют всех, кто протянет руку. Вот пир — всем пирам пир! Никто не обижен, никто не обойдён. Сыты и пьяны все на святой общей трапезе! Теперь песнопеньям черёд. Юноши, прислуживающие на пиру, вновь и вновь наполняют кубки вином по кругу — начиная справа от алтаря и до последнего пирующего. Данайцы же славу поют Аполлону Фебу, Стреловержцу и Целителю! Дым от костра возносится к Олимпу вместе со славословьями — и радуется Аполлон, и отлагает гнев его благое сердце!

Утром посланцы Агамемнона отправились в обратный путь и вскоре без приключений вернулись в свой лагерь.

И вот с тех пор минуло двенадцать дней.

Перенесёмся, достославные слушатели мои, на Олимп, куда только что из Эфиопии возвратились вечные боги. Фетида, ни на минуту не забывающая о страданиях сына, вместе с потоками раннего тумана поднялась с побережья к Олимпу и нашла на самой вершине отдыхающего Зевса. Бросилась она к его ногам, левой рукой обхватила колени воз-

любленного, а правой прикоснулась к его подбородку… Растрогался Зевс — не часто так мила Фетида, могущественная Владычица Моря, прекрасная, как лазурь Средиземноморья, своенравная, как пучина морская…

Фетида меж тем слово в слово повторила жалобы Ахиллеса и, кроме того, говорила так:

— Господин мой, помоги троянцам ахейцев одолеть! Пусть на коленях обидчики умоляют Ахилла вернуться! Он заслужил их покаяния!

Но, как ни стремилось сердце Громовержца к ласкам прекрасной Фетиды, как ни склонялся он к её мольбам, просьба смущала Отца богов и людей. Не радует Зевса распря, не терпит он коварства, не хочет раздора меж богами.

— Скорбное дело! — вздохнул Зевс, — вряд ли Гера, супруга моя, допустит, чтобы троянцы беспрепятственно одолевали эллинов. Она данайцам благоволит. Всё время меня упрекает, что, якобы, чадам Приамовым помогаю. Но всё же — вот тебе подтверждение: на стороне Ахиллеса буду.

Тут в знак нерушимого обещания Зевс повёл бровями, так что весь Олимп сотрясся — о! велико могущество Зевса! Фетида всё поняла и немедленно бросилась с Олимпа в

море, а Зевс вернулся в чертог, где его уже ожидали другие боги. Все, как один, встали со своих престолов, приветствуя Громовержца.

Казалось, никто не видел и не слышал, как совещалась с Зевсом Фетида. Но не тут-то было. Не скроешься от пронзительного взора Геры, царицы богов!

— Кто это только что беседовал с тобой? Вечно ты скрываешь от меня что-то? Вечно обманываешь меня! Козни за моей спиной строишь!

Гера сильна. Зевсу приходится с ней считаться. И поначалу он отвечал весьма сдержанно:

— Что надобно тебе знать — узнаешь, Гера! А чего не надобно, не узнаешь, как ни старайся.

Но Гера не была бы Герой, царицей богов, если бы удовлетворилась таким ответом.

— Что за супруг ты, Зевс Громовержец?! Никогда не хотела я разбираться в тайных замыслах твоих! Но ведь собственными глазами видела, как с утра пораньше Фетида сидела рядом с тобой, обнимая твои колени. Ты знак ей подал бровями! Что хотел показать? Что заступишься за Ахилла и троянцам теперь помогать будешь?

Тут терпению Зевса пришёл конец! Громыхнул он так, что вздрогнули боги:

— Всё-то ты видишь! Вечно за мной подсматриваешь! Но ничего у тебя не получится. Только сердце моё отвратишь — пожалеешь! Чему быть, того не миновать, если я решил! Сядь и умолкни, Гера, а не то накажу тебя так, что никто из богов не поможет! Слышишь?!

Ледяной ветер пронёсся по чертогу. Гера испуганно замолчала, да и остальные боги притихли, смущённо вздыхая.

Гефест, хромоногий кузнец Олимпийский и художник, наконец, нарушил молчание:

— Что ж это будет, Олимпийцы, ежели из-за людишек мы так друг на друга злиться станем? Что за радость будет на нашем светлом пиршестве, если каждый затаит злобу? Неужели зло в нашем высоком кругу восторжествует? Не прекословь отцу, матушка! Если он захочет, всем несдобровать. Не лучше ли к милости его обратиться с благодарностью и лаской?

Рассмеялась Гера, приняла от сына роскошный кубок на высокой ножке, полный благовонного нектара, а он стал и другим богам подносить нектар. И все боги дружно хохотали, глядя, как подскакивает Хромой, суетясь по чертогу. До

самого заката длился пир богов. А потом боги удалились на покой — каждый в свой дом на Олимпе. Отправились спать и Зевс с Герой. Блаженная дремота разлилась по всему подлунному миру.

Так ли это было, или мне, грешному, привиделось под Луною, — как знать? Но если верите мне, достославные слушатели, пусть слова мои катятся дальше, подобно волнам морским, укрывшим от недружелюбных взоров сереброногую Фетиду.

2

Земля и небо покоились в мирном сне, спали и боги, и люди, только Зевсу всё не давали заснуть мысли о данном Фетиде обещании. Более всего любит он равновесие и порядок в мире, доставшемся ему в управление. Раздор в ахейском войске, которое защищают Гера и Афина, и без того многократно усиливает троянцев, но ежели начнут азиаты одолевать Агамемнона, богини — без всякого сомнения — открыто выступят за данайцев, и тогда Приаму и Гектору не устоять. Но сейчас-то, сейчас — обе стороны замерли примерно в одинаковом положении. Оно и десять, и двадцать лет ещё может продлиться, пока ахейское воинство окончательно не выдохнется и не растворится среди местного населения. Всё к тому идёт! И это тоже на руку троянцам — ни мира, ни войны. А жизнь движется своим чередом.

Не стал бы вмешиваться Владыка мира в земные скорби — но Фетида! Нельзя пренебречь её мольбой… и так прикидывает Зевс, и этак. Нет, не удаётся устроить дело, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Чтобы заставить Агамемнона повиниться перед Ахиллесом, надобно войну запустить с новой силой… Ох, как не хочет этого Зевс! Но другого не остаётся. И вот уже прояснились перед Зевсом очертания Игры, в которую неизбежно будут втянуты все боги

и которая сулит Агамемнону позор, Ахиллесу славу, а Трое скорую погибель, но это уже после того, как попросит прощения у сына Фетиды разбитый и униженный Агамемнон. Всего на мгновение предстала Зевсу эта картина, но этого было достаточно, чтобы он сделал первый ход!

Пусть немедленно приснится Агамемнону, что, если он завтра же самолично поведёт ахейское войско на Трою, то оно возьмёт вожделенный город со всеми его сокровищами, включая Елену Прекрасную и всё, что было увезено Парисом из Спарты много лет назад. Так решили все олимпийцы, признав правомерным требование Геры наказать клятвопреступника, прелюбодея, вора и всех, кто его защищает. Разумеется, это неправда! Но ведь Агамемнон не знает правды!

В ту же минуту, как Зевс помыслил об этом, явился Атриду во сне старец Нестор. Самый чтимый Агамемноном из пришедших под Трою царей слово в слово передал предводителю ахейцев волю Громовержца. Тот — во сне — молча повиновался. Однако, проснувшись, долго не мог сообразить, что же ему делать. Могучий посыл содержало сновидение. Но это всего лишь сон! Изворотливый, подозрительный ум Агамемнона сопротивлялся явной несуразице олимпийского предложения. Заманчиво оно звучало! А вдруг обманывает сон? И всё же… если Боги решили, наконец, одним коротким движением прекратить войну, так чего уж лучше?!

И гордость, самоуверенность, жажда победы взяли верх над сомнениями — Агамемнон решил действовать.

Не хватило ему дальновидности, чтобы понять, — отнюдь не взятие неприступной твердыни готовит ему Зевс, а долгое кровавое побоище, в котором троянцы и данайцы — ни за что, ни про что — будут безжалостно истреблять друг друга, умаляя тем самым род человеческий!

Ибо выше воли богов — всевластный закон Неизбежности.

Приняв, наконец, решение, сел Агамемнон на ложе, накинул на плечи новый тонкий хитон… потом плащом шерстяным оделся, обул свои прочные кожаные сандалии, перекинул через плечо перевязь с обоюдоострым мечом в украшенных золотом ножнах, взял скипетр власти, отцовский, нетленный, и самолично отправился к кораблям.

Рассвет уже занимался над берегом, когда по зову Атрида собрались вожди и старейшины к нему на тайный совет. Агамемнон рассказал им о вещем сне, который только что привиделся ему. Всякий знает, что означают такие сны для богобоязненных эллинов. Надобно только верно толковать их. Но тут всё было настолько ясно, что ни у кого из собравшихся не возникло никаких возражений. Надо следовать во-

ле Зевса! Но как?

— Не готовы данайцы кровь проливать, — говорили вожди меж собою, — ради чего? Если о чём и мечтает каждый, так это домой поскорей возвратиться.

— Так и поступим, — воскликнул Агамемнон, — соберём сход, и я сообщу о нашем возвращении в Элладу! Но вы всё наоборот делайте — виду не подавая, уговаривайте своих не слушаться моего приказа!

Подивились старейшины хитроумию вождя народов, но беспрекословно согласились делать так, как он велит.

Подобно пчелиным роям, устремились данайцы к месту собрания. Пыль подняли кругом, кажется, сама земля сотрясалась под грузом спешащих к сходу и садящихся воинов. Шумят, толкаются, бранятся… девять глашатаев в разных концах собрания призвали воинство к тишине — царь Агамемнон скажет слово! Слушайте! И не говорите, что не слышали!

Расселись и умолкли ахейцы. Тогда Агамемнон со скипетром власти в правой руке обратился к войску:

— Не сдержал, ахеяне, своего обещания Зевс Всемогущий! Было мне прямое указание, что с победой вернёмся мы

к родным берегам. Но что же на деле? Столько лет под стенами Трои бесславно топчется наше войско! Скольких мы уже потеряли — скольких ещё потеряем в бесполезных стычках с троянцами и от болезней! Позор нам, позор! Столь великая рать такого воинственного народа, как данайцы, до сих пор не одолела Трои. Нас вдесятеро больше, чем защитников Приамова града. Но у них, видно, воины храбрее. Не дают они мне город свой разрушить. Девять лет прошло. Гниёт уже дерево наших кораблей, истлевают на них канаты. Дома жёны и дети, плача и сетуя, ждут — не дождутся. А мы всё медлим. И делу нашему конца не видно. Бежать, бежать надо! Всё равно не разрушить нам Трои. Пора возвращаться домой!

Должно быть, Агамемнон и сам не ожидал, какое впечатление произведёт его обманная речь. Вздулась толпа, как море под совокупным ударом северного и западного ветров. С ужасным криком все ринулись к кораблям… радостные возгласы и проклятия наполнили воздух… «спускать корабли»!.. «домой-домой»!.. «эй, шевелись»!.. Вот уже рвы очищают, подпоры выбивают из-под килей…

Так и умчалась бы домой рать ахейская, но Гера, увидев приготовления к позорному бегству, ужаснулась и велела Афине поспешить к данайцам и каждого увещевать остаться. Почувствовала она в поведении Агамемнона руку всеве-

дущего супруга — теперь её ход в Игре!

А что Афина? У неё свой любимец в войске Агамемнона — высокоумный Одиссей, царь Итаки. Глубоко задумавшись, стоял он возле своего судна и не торопился снаряжать его в дальний путь.

— Одиссей! — позвала его Афина, — что же это делается?! Неужели с таким стыдом домой возвратитесь? И Елену бросите, из-за которой столько ахейцев уже погибло? И Парису не отомстите за своё унижение? Вы ли это, храбрецы-герои? Иди немедля к людям, убеждай, уговаривай! Нет ничего ужаснее позорного бегства!

Одиссей, будто только этого и ждал — аж плащ уронил на бегу… Агамемнон стоял посреди всеобщего безумия, растерянно опустив руки. Выхватил скипетр власти у него царь Итаки и стал обходить ахейский лагерь, уговаривая всех остановиться и успокоиться.

— Обсудим спокойно, — настаивал он, — как мужи, не как малые дети, которым только сладкое покажи, и кидаются за ним, забыв обо всём на свете…

И прислушались ахейцы, богоравным по мудрости считали мы Одиссея. Понемногу в круг собраний снова собралось

всё войско. Сидим и молча ждём, что Одиссей скажет. Всем уже стыдно за ту поспешность, с которой отказались от цели, направлявшей нас столько лет. Один лишь Терсит продолжал возмущаться, жаловаться и ругать всех подряд, начиная с Одиссея и заканчивая самим Громовержцем.

Во всяком войске во всякое время найдётся такой. Прибился к нам в походе неизвестно откуда. И всё-то ему не так, и все-то его раздражают… Сам косой, хромой, лысый и горбатый, а в чужом глазу малую соринку видит. Знай костерит всех подряд, в особенности же начальство. Одиссей у него — врёт, Ахиллес — молокосос необученный, а уж Агамемнон… каких только грехов не изыскал в быту Атридов цепкий глаз Терсита! И всё это он вываливал на всеобщую потеху! Хохотали ахейцы, но Терсита сторонились. Кому нужен шут гороховый? Разве что такому же уроду… Вот и теперь слонялся Терсит в толпе и каркал, понося Агамемнона последними словами. Всем уже надоел, покрикивать на него стали. Но тот лишь пуще распалялся:

— Давайте-давайте, радуйтесь на своего Агамемнона! Не забыли, как он Ахилла оскорбил, который в сто раз его храбрее? Добродушен, видать, Пелид Ахиллес, иначе не было бы теперь на свете вождя народов!

Терпел-терпел Одиссей бесчинства Терсита и не выдер-

жал.

— Уймись, безумный! Чего добиваешься? Только воздух зря сотрясаешь своими воплями! Мало до сих пор позорился? Так я добавлю тебе позора! Или умолкнешь немедля — или, не будь я сын Лаэрта, отец Телемаха, ты у меня получишь на орехи!

И так навернул витию жезлом по спине, что у того слёзы брызнули из глаз. Терсит повалился на землю, визжа и чертыхаясь. И как ни муторно было у нас на душе, посмеялись мы над уродом — видно, в последний раз так смеялись.

И переговаривались между собой:

— Каков Лаэртид! За что бы ни взялся — всё у него на лад идёт. Нынче, однако, сам себя превзошёл — окоротил пакостника. Тысячу раз подумает теперь мерзавец, прежде чем пасть разевать.

Наконец, всё стихло, и Одиссей обратился с речью к царю Агамемнону и всему войску:

— Тебе, царь, ахейцы позор готовят. Не исполнят они слово, которое дали, летя за тобой сюда из цветущей Эллады. Слово это — без победы не возвращаться! Но что это? Как слабые дети, как жёны-вдовицы жалуются наши воины друг

другу, лишь бы поскорей домой вернуться. Да, тяжела война. Путник, месяц не видя родного дома, изнывает от тоски. А мы девять лет здесь воюем. Но стыд, ахеяне, тяжелее! И медлить теперь постыдно, а бежать — и того больший позор. Помните знамение, которое дано было нам в Авлиде? Мы приносили гекатомбу под раскидистым клёном, в самых корнях которого чудом бил чистейший родник… вдруг из-под алтаря выполз огромный змей, до того страшный, что, кажется, самим Олимпийцем был извлечён на свет. В мгновение ока по стволу дерева взметнулся он до вершины. А там — горлицы гнездо. Восемь птенчиков. Мать вилась вокруг морды чудовища, безуспешно пытаясь отогнать его от гнезда… Но змей сожрал — одного за другим — всех птенцов, а потом и горлицу проглотил, извившись вверх по стволу и ухватив несчастную за крыло. Но — чудо! — тут же окаменел, повиснув на ветвях, подобно лиане. Ты, Калхас, — спасибо тебе — раскрыл тогда замысел Зевса. Долго ждать придётся победы, но она будет за нами! Сколько птенцов было в гнезде — столько лет воевать придётся, девятая птица — последний год, переломный. На десятый — разрушена будет Троя. Теперь как раз то время наступило… Так неужели малодушно сбежим, когда так близка победа? Останемся, данайцы! Будем сражаться, пока не добьёмся своего!

И столь по нраву всем пришлись слова Одиссея, что радостно вскричали ахейцы, приветствуя царя Итаки!

— Веди нас в бой, Агамемнон! — воскликнул Нестор.

Атрид же вдруг встал и повинился перед народом:

— Я, ахеяне, был не прав, когда обидел Ахиллеса. Вспыльчив я, себе на горе. Да услышат меня Всеблагие — всей душой жалею об этом и готов помириться с Пелидом. А коли помиримся с ним — ничто не спасёт Илиона! Завтра на заре выступаем. А теперь — ужинать, отдыхать, готовиться к бою!

Снова, как волна морская, вставшая из пучин океана, поднялись ахейцы, разошлись к своим шатрам… и вот уже костры задымились по всему берегу — и здесь, и там готовили пищу, приносили жертвы Богам, кто какого более почитает и на чью помощь рассчитывает в бою.

Агамемнон же позвал к себе Нестора, Идоменея, Аяксов, Диомеда и Одиссея. А Менелай сам пришёл, незваный. Агамемнон всячески оберегал младшего брата от знаний, ему не нужных, и от деяний опасных. Менелай этому упорно сопротивлялся, хотя виду и не показывал. Приготовили они жертву, помолились Зевсу. Жертву Громовержец принял, но к молитве их не склонился. Жаль, не дано знать человеку заранее дальние устремления богов. Зевсу открыто всё огромное поле Игры, а царям — лишь ничтожная клетка. Но преис-

полнились они огненного духа сражений, и покатилось кровавое колесо…

Ещё и заря не занялась на предутреннем небе, как вестники стали призывать данайцев на построение. У каждого доспехи, оружие наготове. Собираются в отряды, строятся… Афина Паллада незримо носится среди них и побуждает к битве. Воинственный дух обуял горячие головы, и каждый теперь думал только о том, как громить ненавистных троянцев.

На лугу Скамандра построилось войско. Несметное войско! Такого до сих пор не видывали ни берега Эллады, ни просторы Мидии и Киликии. И всё оно дышало и горело одним желанием, одной страстью — разрушить Трою, предать погибели сынов Приама!

И над всеми — подобно скале — возвышался Агамемнон. Богу олимпийскому сделался он подобен, глаза его огонь метали, чело светилось таким величием, что невозможно было поверить, что вчера ещё малодушно призывал он ахеян бежать и спасаться. Уж не сам ли Громовержец сей образ сотворил на ту пору, чтобы веселей и дружней мы в бой поспешали?!

Слаб я, слаб, достославные други мои… стар давно — и

Мнемосина великодушная редко до меня нисходит. Многое упускаю, что-то на ходу и присочинить не стыжусь. Но ведь на то и Музы вездесущие посылаются Вседержителем песнопевцу, чтобы главное не ускользнуло от взора потомков, когда подвиги героев прошлого надобно оживить для славного будущего. Назвать бы теперь царей и военачальников, чьи отряды стояли в тот день на пороге позора и славы, а простых воинов не перечислить мне, будь у меня хоть десять языков и десять гортаней, и не слабеющий голос, и грудь, подобная мехам кузнечным… положусь, однако, на помощь небесных муз и вспомню тех, кто привёл суда свои к Илиону.

Сотни кораблей теснились у берега моря — напротив священных стен Трои. Были здесь сыны Беотии, прибывшие на пятидесяти судах. Не менее ста двадцати юношей, пылающих воинственным духом, помещалось на каждом. Были и посланцы Орхомена под водительством Аскалафа и Ялмена, по преданию, сыновей самого Арея, Бога войны.

Храбрых локров возглавлял славный силой и воинским умением Аякс, сын Оилея. Не отличался он ростом, зато превосходно метал копьё — равного ему в этом не было среди эллинов. Сорок кораблей прислала Эвбея — вместе с отрядами, которые направили Эретрия, Халкида и Коринф, возглавил их все Элефенор. Воины его, неотразимые в рукопашном бою, отличались тем, что носили пучки волос лишь

на затылке.

Петеид Менесфей был во главе афинского воинства. Разве что Нестор, старший из всех царей, мог бы тягаться с ним в искусстве строить пеших и конных на поле боя. Рядом с афинскими кораблями покачивались на волнах двенадцать судов Саламина, которые пришли под водительством знаменитого Аякса Теламонида.

Диомед из Аргоса вёл на битву посланцев Тиринфа и Эгины, с ним были Сфенел и Эвриал, всей Элладе известные богатыри.

Но самое многочисленное войско на ста кораблях привёл к Илиону Агамемнон, владыка Микен. С ним были воины Сикиона, Лакедемона и прочих городов и земель любезного богам Пелопоннеса. Агамемнон блистал оружием и доспехами, гордый своим верховным саном и числом племён, которые ему подчинились. Укрепляя рать ахейскую, не жалел Атрид ни богатства, ни сил. Нужны были ему искуснейшие и сильнейшие воины Аркадии, но жители этой страны не знали судоходства и не могли выставить даже небольшой флот. Тогда Агамемнон за свой счёт построил и снарядил шестьдесят кораблей, и под водительством царя Аркадии Агапенора примчались они в Троаду. Брат же Агамемнона Менелай, царь Спарты, был с ним рядом, но отдельно. Больше всех горел он жаждой отмщения — ведь это его жену, прекрасную

Елену, похитил бессовестный троянец.

С царём Пилоса, старцем Нестором, прибыли мужи с Алфейского брода, из Кипариссии, Гелоса и Дориона, того самого, где когда-то был наказан Фамир Фракийский, похвалявшийся победить в искусстве песнопения самих Муз, за что и ослепили они его, и песенный дар отняли вместе с умением играть на кифаре.

Сыны Элиды и островов Эхинадских со своими вождями приплыли на восьмидесяти кораблях. Одиссей же, царь Итаки, считавшийся самым разумным из вождей, собрал на своих двенадцати красноносых судах воинов Закинфа, Самоса и Эпира.

Знаменитый копьеметатель Идоменей возглавлял посланцев Крита. С ним вместе был и могучий Мерион, с которым не всякий богатырь решился бы померяться силой.

С Родоса прилетели девять кораблей Тлеполема Гераклида. Сын величайшего героя Эллады, рождённый царевной Астиохой, после смерти отца жил в Аргосе, но случайно убил родного дядю Ликимния и вынужден был бежать со своей дружиной. Приют нашли все они на Родосе, основали там три прекрасных города, и в оное время сподобился Тлеполем свататься к спартанской Елене, что и привело его в кон-

це концов в объединённое войско Агамемнона.

Был здесь и юный Нирей, сын Харопа и Аглаи, красотой уступавший одному Ахиллесу. Жаль, доблестью, равной красоте своей, не обладал он, потому и отряд привёл малочисленный.

Не рискну перечислять по именам и наречиям всех, кто переплыл Геллеспонт с Ахиллесом, — так много их было! Но что толку? Вместе с юным своим вождём удалились они от битв, а сам Пелид лежал в шатре, кусая губы от обиды. Как вспомнит пышноволосую Бризеиду, доставшуюся ему в жестоких боях за Лирнесс, так слёзы вскипают у него на глазах и едва удерживается герой от рыданий.

Из Филаки Фессалийской привёл свои отряды Протесилай, первый из эллинов сошёл он на берег с корабля, но первым и убит был дарданцем. Теперь на Трою поведёт дружину его младший единокровный брат Подаркес. До сих пор не смирились с утратой воины Протесилая, поминая вождя и о нём воздыхая, — тем яростнее будут биться, тем крепче стоять друг за друга.

Эвмел, сын Адмета и Алкесты, той самой, что вместо мужа согласилась в Аидово царство сойти и которую вырвал Геракл из когтей Танатос, привёл к Илиону одиннадцать ко-

раблей.

А Филоктет, непревзойдённый стрелок, прислал семь быстроходных судов, по пятьдесят отменных воинов на каждом. Но, увы, сам предводитель их Филоктет, снедаемый тяжкой болезнью, причинённой укусом змеи, остался на Лемносе. Ещё вернётся Филоктет и покажет себя в боях за Трою, а пока ведёт войско его Медон, побочный сын Оилея, царя локров и любимца Аполлона.

Богоравные чада Асклепия, покровителя врачеваний, — Подалир и Махаон прибыли вместе со всеми на чернобоких эллинских кораблях.

Богатырь Эврипил возглавил мужей фессальской Ормении. К берегу Троады причалили и воины Полипета из Аргиссы, ведущего род свой от ветви Пирифоя, сына самого Зевса!

Племена, обитавшие в окрестностях Додоны, где издревле пророчествовал Зевсов оракул, прислали дружину под водительством Гунея — приплыли они на двадцати двух кораблях. Говорят, река Титаресий, рассекающая эти земли и впадающая в Пеней, истекает из вод Стикса. Однако никому из смертных не довелось ещё это подтвердить или опровергнуть.

С берегов Пенея и окрестностей Пелиона прибыли магнеты — их вёл Профоой, потомок славных Тендредонов.

Вот кто привёл ополчение под стены Трои — цари, вожди и герои. Но помоги мне, Муза, назвать славнейших! Может быть, это Эвмел — лучший наездник и конезаводчик? Кобылицы его быстрее птиц летали по полям сражений. Одной масти, одного роста, сложением друг другу впору — не иначе самим Аполлоном выпестованные на воле. А может быть, Аякс Теламонид? Пока Ахиллес терзался мрачною думой, от боёв удалившись, сильнее Теламонида не было героя среди ахейцев.

Но Ахиллес отстранился от дел Агамемнона — и дружина его на берегу моря забавлялась бесполезными играми, а богатырские кони щипали траву, тщетно мечтая о своих воинственных всадниках.

Двинулось войско, будто вихрь грозовой по долине понёсся, молниями сверкая и пыль вздымая до неба. Земля застонала под ногами ахейцев, устремившихся наконец навстречу победе.

Услышал топот стражник троянский Полит, стоявший в дозоре на самом высоком холме, увидел облако пыли вдали, — и помчался, что было сил, ко дворцу Приамову, где со-

брался народ на совет о делах насущных.

— Царь, — закричал Полит, едва увидев Приама во дворе в толпе троянцев, — не время толковище разводить! Беда на пороге! Рать приближается такая, какой не видано было на свете! Не столько листьев на деревьях, не столько в море песка, сколько войска идёт по наши головы.

Гектор, старший царевич, поднялся ему навстречу, и воскликнул Полит:

— С этакой бурей не справиться нам без подмоги. Много здесь, Гектор, союзных нам вождей с отрядами. Призови их на помощь, пусть докажут, какие они друзья!

Не иначе сама Ирида, радуга небесная, вестница Громовержцева, внушила эту мысль Политу, потому что гордый Гектор немедля последовал его призыву. Бросились к оружию троянцы. По всему городу захлопали двери, отворились ворота… конные, пешие собирались в отряды… шум и смятение поднялись в каждом доме…

Под курганом, последней высотой перед стенами Трои, — смертные Ватиеей его называют, а боги — могилой амазонки Мирины — Гектор построил защитников Приамова града.

Были тут и Эней, прекрасное чадо самой Афродиты, и Пандар, сын Ликаона, славный тем, что Аполлон одарил его умением стрелять из лука без промаха, и Адраст с Амфием, которых предсказатель Мероп, их отец, заранее знавший участь сыновей, не хотел отпускать на битву с ахейцами. Не послушались дети отца, и печальна была их участь. Прислали воинов могучие пеласги и фракийцы, киконы и пеоны, пафлагонцы, фригийцы и гализоны, карийцы и ликийцы, предводители которых Сарпедон и Главк увенчали себя бессмертной славой, сражаясь за Илион. Воистину битвой народов стало сраженье племён под стенами Трои.

3

Построились рати одна против другой — и, наконец, ринулись друг на друга. Мчались троянцы, вопя и крича, как птицы, будто стая журавлей, которая с осенними дождями устремляется через океанские воды на юг, в страны, не знающие холодов и бескормицы. Но данайцы шли, молча печатая шаг и одно только держа в уме: не посрамить чести воинской, за товарищей стоять даже ценою собственной жизни. От поступи их пыль поднялась до небес, так что не каждого сквозь неё и разглядеть было можно.

И вот, когда сблизились войска, перед троянским авангардом вышел к врагу красавец Парис Александр, в шкуру барса одетый, с луком кривым за плечами, с мечом в ножнах, к ремню притороченном. В руках вращал он два огромных копья, похваляясь силищей богатырской.

— А ну, выходите, данаи! Кто со мною сразиться не струсит?

Увидел его Менелай, не помня себя, бросился вору навстречу.

Но что это? едва усмотрел Александр Менелая в данай-

ском строю, ужас троянца объял. Бросился он назад, спрятался в толпе сородичей, лишь бы встречи теперь избежать с бывшим другом, обманутым и обворованным.

Увидев это, Гектор набросился на Париса с презрительной бранью: «Несчастный трус! Женолюбец, прельститель! Лучше бы ты не родился и не женился! Ты — позорище целому свету! Слышишь? Данаи смеются над тобой! Они ведь считали тебя первейшим среди первых, судя по красивому виду. Вид твой красив, но ни силы в душе, ни отваги в сердце! Что же ты, трус, не побоялся в кораблях мореходных переплыть бурное море… в чуждое племя войти и похитить прекраснейшую из женщин, сестру и невестку знаменитых воинов, на горе своему отцу, и народу, и целому царству! Что же с оружьем не встретил царя Менелая? Узнал бы ты тогда, у какого воина жену похитил! Не помогли бы тебе тогда дары Афродиты! Эх! Робок троянский народ, иначе давно бы расправился с тобой!

Ничуть не смутившись, Парис ответил возмущенному брату: «Ты вправе бранить меня, Гектор! Сердце у тебя — как секира, всегда непреклонно. Но не осуждай меня за то, что принял я дары златой Афродиты. Если так уж необходимо, чтоб я воевал и сражался, то повели всем успокоиться, и троянцам, и ахейцам. Поставьте нас с Менелаем один на один: кто победит, тому и Елена достанется, и все сокрови-

ща, которые с нею вывезены из Спарты. А вы примиритесь — и войне конец!»

Удивился Гектор. И всё же по сердцу пришлась ему речь Александра. Он вышел вперёд, перевернул копьё плашмя над землёю, ухватил его посредине и остановил фаланги троянские. Но тут же ахейцы на Гектора луки натянули, копья наставили, а многие бросили камни.

Но Агамемнон остановил своих бойцов: «Стойте, ребята… послушаем, что Гектор скажет!»

Ахейцы тут же прекратили нападать, замолчали и приготовились слушать Гектора. А тот объявил ахейцам о предложении Париса.

— Кто победит в поединке, тому и Елена достанется, и все сокровища, которые вывез Парис из Спарты. А мы, братья эллины, мир заключим и клятвы принесём о вечной дружбе.

Некоторое время ахейцы хранили молчание. И вдруг заговорил Менелай.

— Знали бы вы, как больно смотреть мне на распрю, которой невольным виновником я оказался. Пора мириться, братья! Троянцы и ахейцы ведь братья по крови и духу! Зачем

враждовать, если причина вражды — только обида, которую нанёс мне Парис? Это наше дело! Нас двоих! Если кто-то из нас двоих обречён умереть, — пусть так и будет. А вы — помиритесь. Помолимся богам, принесём положенные жертвы и поклянёмся, что прекратим причинять вред друг другу. Троянцы, призовите Приама-царя. Он знает, как всё это устроить.

Надо ли говорить, как, услышав это, обрадовались оба войска! Неужели опостылевшая война прекратится, наконец?! Вот уже доспехи тяжёлые с себя снимают, с колесниц спрыгивают, коней отводят в сторону. Поединок готовятся смотреть. Нет среди ахейцев и троянцев никого, кто не мечтал бы прекратить бессмысленную бойню. Ведь даже Менелай предпочитает один на один разобраться с обидчиком, нежели подвергать страданиям доверившихся ему людей!

А Гектор без промедления послал гонцов в Трою, чтобы к принесению клятв готовиться. Это ведь непростое дело — страшные клятвы богам! Агамемнон же Талфибия послал к кораблям, чтобы со своей стороны совершить всё, что полагается.

В это же самое время вестница Зевса Ирида приняла облик дочки Приама Лаодики и к Елене явилась. Сидела Елена за ткацким станком. На ткани под её руками возникала

подробная картина сражений. Всадники троянские и данайские на конях тонконогих в смертельном бою друг с другом.

— Иди-ка, Елена, посмотри на чудо! — промолвила Ирида, — Только что, позабыв себя от ненависти, сходились в поле троянцы и данаи, а теперь стоят молча, опершись на щиты, копья их в землю воткнуты. А всё почему? Потому что Менелай и Александр за тебя желают один на один сразиться. Кто победит, тому ты и достанешься!

Сжалось сердце несчастной красавицы. Живо вспомнила она родной город, своих близких, первого супруга своего, которого горячо любила. Слёзы сами собой покатились по прекрасному лицу Елены, но она справилась с собой, накинула серебристый плащ и быстро пошла из дома, сопровождаемая двумя верными прислужницами. Скоро пришла она к Скейским воротам, а там уже старцы троянские собрались на башне.

Увидели старики Елену, завздыхали и зашептали между собой: «Как не понять, что за такую красоту так долго, не щадя ни врага, ни себя, наши сыны и ахейцы сражаются! Богоподобна прекрасная Елена, равных ей не найти во всём подлунном мире. Но только пусть бы она в Спарте своей оставалась. Сколько горя красота её нам принесла!»

Приам, конечно, слышал этот ропот, однако, едва увидев Елену, позвал её: «Милое дитя моё, иди, садись рядом. Отсюда поле боя увидишь, как на ладони. Всех увидишь: и мужа своего бывшего, и, уверен, многих знакомых и близких. Ничем ты передо мной не виновата. Боги одни виновны в наших бедах. Сядь и расскажи, кого узнала ты среди ахейцев. Вон тот, величественный, как статуя, — кто это? Не выше всех ростом он, но, чувствую, выше других царским чином.

— Ах, свёкор дорогой, — отвечала Елена, — почитаю тебя сердечно, но и боюсь! Лучше бы умерла я в тот день, когда решилась с твоим сыном бежать из дома, который родным мне стал! Покинула я братьев любимых, дочурку милую, бесценных подруг. Почему не поразила меня молния, почему волны морские не поглотили меня грешную? Не могу простить себя, до сих пор слёзы горючие о том проливаю.

Закрыла Елена лицо руками, но рыдание сумела унять и отозвалась на вопрошание Приама:

— Тот царственный муж, о котором ты спрашиваешь, — это Агамемнон, Атреев сын, брат Менелая, прежнего супруга моего.

Присмотрелся Приам и воскликнул: «Счастливый же вождь, этот царь Агамемнон! Много видел я воинств, но такого, как под его началом, ещё не встречал!».

Потом увидел царь Одиссея — ниже ростом он Агамемнона, но шире в плечах, ходит богатырь по рядам воинским, подобно волнистому барану, который в стаде ходит меж овец. И его Елена назвала Приаму, объяснив при этом, что Одиссей хитёр и коварен, но мудр и горазд на советы. Вспомнил тут Приам, как однажды Менелай и Одиссей были у него в доме: ради тебя, Елена, приходили! Как гостей, принял их тогда Приам и, пока они были в Трое, изучил свойства и того, и другого. Менелай — шире плечами и ростом повыше, но, когда они рядом сидели, то Одиссей казался более приятен на вид. Менелай всегда говорил быстро и точно, никогда не хитрил. Когда же вставал говорить Одиссей, то, словно простой человек, стоял, не поднимая глаз и не позволяя себя никаких жестов, — так что могло показаться, что это какой-нибудь скудоумный… Но стоило ему издать могучий голос — и речь его, подобно вьюге, неслась! Нет, не дерзнул бы никто с Одиссеем в речах состязаться. Спросил Приам и об Аяксе Теламониде — богатыре огромного роста с широченными плечами. А Елена показала свекру Идоменея, критского царя, который не раз бывал гостем в доме у Менелая. Многих еще героев Елена узнала, не нашла только милых братьев Кастора и Полидевка. Не ведала она, что давно уже нет их среди живых.

Тем временем жертвоприношение было приготовлено;

быстро поднялся Приам на колесницу, и его возница Антенор направил коней в поле, к месту, где остановились готовые к битве войска.

Там, на месте, избранном для клятвенного обряда, встретил Приама Агамемнон. Принесли цари в жертву белых баранов и страшной клятвой поклялись выполнить все, как и было условлено. Приам вернулся в Трою. А Гектор и Одиссей сначала измерили место сражения, потом положили жребии в медный шлем; Гектор, отвернувшись, потряс его — и выпал из шлема жребий Париса: Парису и начинать поединок!

Уселись воины рядами — и те, и другие. Парис быстро облачился в воинские доспехи: на ноги надел поножи, грудь прикрыл медными латами, набросил на плечо ремень, к которому прикреплён был меч с медным клинком, захватил щит, огромный шлем с гривою конской надвинул на голову и тяжкое взял копье. Так и Менелай вооружился.

Сошлись противники в поле. Первым ударил копьём своим Парис, но не пробило оно щита спартанского. Ударил в свою очередь и Менелай, прошло копьё сквозь щит, сквозь броню доспеха Парисова, и даже хитон под бронёю у троянца рассекло… Отпрянул Парис — только это его и спасло. Менелай, не мешкая ни мгновения, грянул мечом по шлему

Александра, но крепок был шлем: меч от удара рассыпался на куски!

Тогда, вне себя от гнева и отчаяния, как безумный, бросился Менелай на врага, схватил его за шлем и, что есть силы, потянул за собой. Соскочил шлем с головы троянца, обвился его ремень вокруг нежной шеи Париса — и потащил спартанский царь за собой по полю обессилевшего от неожиданности красавца… Утащил бы в свой стан — себе на славу! — да вмешалась Афродита. Быстро разорвала она злополучный ремень — только шлем остался в руке Менелая. Швырнул его Атрид к ногам друзей-данаев, а сам снова бросился на Париса с копьём.

Поняла Афродита, что несдобровать теперь её любимцу, окутала Париса тёмным облаком и увела с поля боя за стены Трои, в его собственную спальню. А сама тут же поспешила к Елене, которая с высокой башни в окруженье троянок наблюдала за поединком. Афродита приняла облик старушки-пряхи, которую Елена привезла с собой из Спарты, подошла к царице, коснулась её одежды и тихо, но требовательно сказала:

— Послушай-ка, Елена! Александр, супруг твой, уже дома! Живой и здоровый сидит в опочивальне и тебя ждёт. Иди к нему скорей!

Елена сразу узнала богиню, вспыхнуло сердце её ужасом и болью, но всё-таки нашла в себе силы дерзко возразить своей повелительнице:

— Соблазнить меня снова хочешь, жестокая? Ещё дальше утащить — во Фригию или Меонию, где, может быть, очередной любимчик твой обитает? Менелай победил Париса на поединке, и меня, предательницу ненавистную, хочет в семью вернуть. Что тебе ещё от меня нужно? Иди к Александру сама, раз он так тебе дорог! Забудь Олимп и удел бессмертной богини и живи с ним до конца дней своих — женой или рабыней! Меня же оставь в покое! Довольно я натерпелась позора и страданий!

Разгневалась Афродита и, не сдержав раздражения, прикрикнула на Елену:

— Молчать, несчастная! Я ведь могу и возненавидеть, как прежде любила. Да что я! И ахейцы, и троянцы так тебя возненавидят, что и дня не проживёшь.

Знала Елена, Зевсом рождённая, что нет у неё сил с самой Афродитой тягаться, горько она вздохнула, закрыла лицо серебристым покрывалом и молча пошла за богиней к Александрову дворцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.